

Таблица 8 – Уровень грамотности населения отдельных губерний БРУП в 1920 г. (в %)

М.Ф.Шумейко

Губернини	Городское население			Сельское население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Витебская	65, 42	57, 92	60, 83	35, 74	18, 66	26, 48
Гомельская	60, 14	49, 54	54, 30	38, 01	17, 10	26, 64
Орловская	65, 02	52, 63	58, 15	37, 53	15, 40	25, 23
Псковская	70, 34	57, 88	62, 53	36, 48	17, 77	25, 99

Впервые в белорусской и российской историографии дан компаративистский анализ индустриального развития, урбанизации, уровня грамотности и образования городского полигэтничного населения белорусско-российского пограничья как главных составляющих процесса модернизации. Обращено внимание на взаимосвязь процесса модернизации с этнокультурными процессами.

Исходя из приведенного выше анализа, можно сделать следующие выводы. В рассматриваемый период процессы индустриализации и урбанизации в белорусско-российском пограничье проходили замедленными темпами. Небольшой приток крестьян в города практически не повлиял на этнический состав городского населения. Основная часть сельского населения выбывала за пределы своих губерний. Белорусские города региона были более полигэтничными, чем в российских губерниях. Степень урбанизации белорусов и русских была самой низкой, хотя они абсолютно и преобладали в составе всего населения. Это объясняется низкими темпами индустриального развития региона, особенно его белорусской части. Уровень грамотности и образования у городского населения был выше, чем у сельского, хотя и он не соответствовал требованиям времени. Городское население в большинстве состояло из лиц в возрасте до 30 лет, а семьи в среднем состояли из 5-6 человек. Это отражало прогрессивные изменения в городском социуме. В совокупности все эти установленные результаты изменений дают основание считать, что процесс модернизации в белорусско-российском пограничье находился в начальной стадии развития. Этно-социокультурные процессы в регионе развивались также замедленно, что и определило их форсированные темпы в советский период. Они проходили в 1920-е – 1930-е годы в иных политических и социально-экономических условиях, что является предметом специального исследования автора.

К ВОПРОСУ О РОЛИ АКАДЕМИКА Е.Ф.КАРСКОГО В СОЗДАНИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В октябре 2016 г. исполняется 95 лет со дня открытия в Минске Белорусского государственного университета. Через пять лет ведущий вуз республики отметит свой вековой юбилей. В ознаменование этих событий, особенно последнего, на историческом факультете БГУ начата работа по подготовке серии научно-популярных книг, посвященных профессорам и преподавателям университета, внесшим значительный вклад в развитие науки и культуры Беларуси. В первую книгу предполагается включить очерки о тех, кто стоял у истоков университета, участвуя в его создании и развитии в начальный, а потому самый сложный период, формируя здесь научные школы и направления в области истории, литературы, медицины, правоведения, философии, филологии, других дисциплин гуманитарного и естественно-научного профилей.

По формальному признаку, предлагающему необходимость занятия штатной должности в структуре университета, академик Е.Ф.Карский (1861—1931) не попал в число лиц, которым посвящены очерки в подготавливаемой книге. Между тем, его вклад в создание БГУ настолько весом и очевиден, что автор настоящей статьи не мог не отреагировать на эту, допущенную по отношению к выдающемуся ученному-слависту несправедливость, в форме подготовки настоящей публикации.

Несколько слов об источниках и исследованиях по теме.

Первым историографом открытого осенью 1921 г. в Минске университета стал один из его отцов-основателей, член учрежденной Наркомпросом РСФСР Московской университетской комиссии, профессор Ф.Ф.Турук, представлявший в комиссии белорусский подотдел Отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса. В подготовленной им для первого выпуска изданных в 1922 г. «Трудов БГУ в Минске» «Университетской летописи» автор в широкой хронологической ретроспективе (начиная с открытой в 1578 г. по инициативе Стефана Батория Виленской иезуитской академии) изложил предысторию Белорусского государственного университета, отметив при этом и подготовленный академиком Е.Ф.Карским проект устава Белорусского университета, напечатанный осенью 1918 г. в газете «Вольная Беларусь»,

издававшейся в оккупированном кайзеровскими войсками Минске¹. Опираясь на имевшиеся в его распоряжении документы, и что особенно важно— собственную память, автор обстоятельно изложил и последующие события, связанные с участием академика Е.Ф.Карского в работе по созданию университета в условиях первой (декабрь 1918—февраль 1919 гг.) и второй (июль—август 1920 г.) реоккупаций Минска². “Университетская летопись”, на наш взгляд, остается одним из полнейших и достовернейших источников по истории создания БГУ, автором которого был человек, находившийся в то время в центре событий и, что особенно важно подчеркнуть, после непродолжительного преподавания в университете вернувшийся в 1923 г. в Москву и отошедший затем в своей научной деятельности от белорусской тематики.

В “историческом” разделе статьи первого ректора университета, историка-слависта В.И.Пичеты, помещенной в юбилейном, 1927-го года сборнике, изданном в условиях набиравшей обороты кампании по борьбе с так называемым “национал-демократизмом”, автор, характеризуя предысторию создания университета, ограничивается достаточно неопределенной фразой о том, что “У часы нямецкай акупацыі беларускія буржуазныя дзеячы таксама паднялі пытаныне аб арганізацыі Універсytetu па тыпу старых універсytetaў, уключаючы сюды і Багаслоўскі факультэт з аддзяленнямі розных рэлігійных вызнанняў”³. В скобках заметим, что эта предосторожность не уберегла В.И.Пичету от последовавшей вслед за публикацией статьи критики в его адрес со стороны национального нигилиста, секретаря ЦК КП(б)Б В.Г.Кнорина, услужливо подхваченной доцентом факультета права и народного хозяйства БГУ И. Славиным⁴.

В опубликованной в следующем, 1928 году, специальной статье В.И.Пичеты о высшей школе в Беларуси в прошлом, автор вслед за Ф.Ф.Туруком и во многом со ссылкой на его «Университетскую летопись» отметили -таки участие академика Е.Ф.Карского, равно как и профессора М.В.Довнар-Запольского, в обсуждении в 1917—1918 гг. вопроса об открытии в Минске университета, подчеркнув схожесть представленных обоими учеными проектов устава предполагаемого университета, мало чем отличавшихся, по его мнению, от организации старых российских

университетов. Во второй же части статьи, названной автором «Савецкая улада і пытаныне аб адчыненны Університету на Беларусі», фамилия Е.Ф.Карского уже не упоминается среди лиц, занимавшихся организацией университета¹.

После инспирированных в конце 1920-х—начале 1930-х гг. органами госбезопасности Союза ССР дел о «Саюзе вызвалення Беларусі», “Спілке визволення України”, “Всенародном союзе борьбы за свободную Россию” («дело академика С.Ф.Платонова»), в результате чего были арестованы многие представители гуманитарной интелигенции, включая и бывшего первого ректора БГУ В.И.Пичеты, а в сфабрикованных органами ОГПУ «делах» фигурировали в числе прочих и фамилии акад. Е.Ф.Карского и проф. М.В.Довнар-Запольского, упоминание их в советской историографии в контексте создания БГУ, становится проблематичным². И лишь с наступлением гласности, так называемой перестройки они вновь возвращаются в историографию.

Правда, и здесь, в духе пономаренковской оценки начала «вышэйшай асветы на Беларусі»³ “добээсэровский период” в истории Белорусского университета поначалу замалчивается. Показательна в этом отношении составленная А.И.Кожушковым и О.А.Яновским и изданная в 1990 г. крайне полезная, основанная на широком круге источников, хроника событий Белорусского университета, которая, тем не менее, открывалась 1919 годом.⁴ Во введении к ней не упомянуты ни Е.Ф.Карский, ни М.В.Довнар-Запольский, ставившие вопрос об открытии в Минске

¹ Пічэта У.І. Пытаныне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінульм // Працы БДУ. 1928. № 19. С. 19; цит. по: Пічэта У.І. Пытаныне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінульм. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. С. 34–46.

Об этой статье в рамках очередной антипичетовской кампании вспомнил первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко, который, выступая 28 октября 1946 г. на заседании бюро ЦК, заявлял: “Началом “вышэйшай асветы на Беларусі” является 1921 г., когда по указанию Ленина был организован первый Белорусский государственный университет—кузница белорусских национальных советских кадров” (Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага універсітэта—Уладзімір Іванавіч Пічэта/ склад: С.М.Ходзін, М.Ф.Шумейка, А.А.Яноўскі. Мн.: БДУ, 2011. С. 352.).

² На это обстоятельство обращает внимание белорусский историк в эмиграции Е.Калубович (Аўгэн Калубович) в статье «Професар М.Доўнар-Запольскі й Акт 25-га Сакавіка», опубликованной в журнале “Беларуская Думка” (Нью-Ёрк—Саут Райер. 1964. № 6. С. 3—7). (Перепеч. в кн.: Калубович А. Крокі гісторыі: Даstryядаваны, артыкулы, успаміны. Беласток—Вільня—Менск: “ГАМАКС”, “НАША НІВА”, “МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА”, 1993. С. 85—91).

³ Имеется в виду выступление первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко на заседании бюро ЦК КП(б)Б 28 октября 1946 г. См. сн. 5.

⁴ Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий (1919—1989)/ под ред. Ф.Н.Капуцкого и др.—Мн.: Университетское, 1990.—238 с.

¹ Турук Ф.Ф. Университетская летопись // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Мн.: Гос. издат. Белоруссии, № 1. С. 180.

² Там же. С. 181—183.

³ Пічэта В.І. Беларускі дзяржаўны університет напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі // В кн.: Беларускі дзяржаўны університет 1921—1927: Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 6.

⁴ Славин И. Пора решительно покончить с примиренчеством на идеологическом фронте // Рабочий. 1929. 9 февр.

университета еще в 1917 г.; правда, в самой хронике деятельность Е.Ф.Карского как председателя созданной в феврале 1919 г. в Минске при губернском комиссариате народного просвещения комиссии по организации университета, прекратившей свою деятельность с оккупацией польскими войсками Минска в августе 1919 г. и возобновившей ее с изнанием оккупантов через год, отражена достаточно полно¹.

Публикация документов и материалов разогнанного в декабре 1917 г. большевиками Первого всебелорусского съезда, а также документов о деятельности Рады и Народного Секретариата Белорусской Народной Республики создала благоприятные условия для углубленного и объективного изучения вклада Е.Ф.Карского, равно как и М.В.Довнара-Запольского, в создание Белорусского университета. Это было учтено при подготовке документального издания, посвященного истории университета, составив там значительный блок². В написанном одним из составителей этого издания—О.А.Яновским—предисловии к его первому разделу отдавалось должное Е.Ф.Карскому и М.В.Довнару-Запольскому в деле разработки проекта университетского устава и несмотря на то, что по объективным причинам тот не был реализован в 1918 г., подчеркивалось, что «Тым не менш першапачатковая падрыхточайшая работа, якая была праведзена ініцыятарамі стварэння універсітэта, не магла застасцца без плёну»³.

Участие академика Е.Ф.Карского в организации Белорусского университета в период немецкой оккупации Минска отмечал и М.В.Довнар-Запольский в своей книге «История Белоруссии», подготовленной к изданию еще в середине 1920-х гг., но впервые увидевшей свет лишь в 1994 г.⁴. Связывая это с деятельностью Рады БНР, автор, в частности, писал: «Толькі уже в последний период своего существования она [Рада БНР—М.Ш.] з енергій принялася за школьнное дело, напр., за организацию Белорусского университета, над которым работала особая комиссия в составе проф. Довнара-Запольского, проф. Масониуса и секретаря Будзько. В этом деле большое участие принимал академик Е.Ф.Карский»⁵.

Любопытно отметить, что данный фрагмент в контексте изложения содержания проекта организации университета, предполагавшего привлечение в последний профессоров, белорусов по национальности, вызвал явительное замечание со стороны рецензировавшего в 1926 г. рукопись

¹ Там же. С. 8—11.

² Пам'ять і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921—1941/ склад.: С.М.Ходзін, М.Ф.Шумейка, А.А.Яноўскі.—Мін.: БДУ, 2006. С. 28—36.

³ Там же. С. 13.

⁴ Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі/Беларус. энцыкл., Нац.архіў Рэсп. Беларусь; Пер. з рус. Т.М.Бутэвіч, Т.М.Кароткая, Е.П.Фешчанка.—Мін.: БелЭН, 1994. С. 489.

⁵ Довнар-Запольскі М.В. История Белоруссии.—3-е изд., испр. и доп.—Мін.: Беларусь, 2011. С. 499.

руководящего работника ЦК КП(б) Б.А.Сербенто: «Автор этим толкает на мысль, что совладеть белорусизацию затормозила. Рада могла, а Сов. власть не может провести белорусизацию. Ибо тогда во главе организации унта стоял сам Довнар-Запольский»¹.

Большой вклад в дело формирования источниковой и историографической базы по изучаемому вопросу внес правнук ученого—А.А.Карский, подготовивший обстоятельное исследование о своем выдающемся прадеде², а также библиографический указатель работ ученого, дополненный итinerарием последнего³. Александр Александрович принимает активное участие в международных и республиканских научных конференциях, круглых столах, семинарах, посвященных Е.Ф.Карскому, сохраняет у себя значительную часть научного наследия прадеда, щедро делясь с ним заинтересованными исследователями, включая и автора настоящей статьи, за что последний выражает ему свою искреннюю признательность.

С разрешения А.А.Карского далее мы будем ссылаться на некоторые документы, хранящиеся в его семейном архиве, а также его письма в наш адрес, которые в ряде случаев носят характер мини-исследований, основанных как на документах выше упомянутого семейного архива, так и источниках находящегося в С-Петербургском филиале Архива РАН личного архивного фонда академика Е.Ф.Карского⁴.

Существенно пополнилась картина в связи с отмечавшимися 150-летием и 155-летием со дня рождения ученого. 9 декабря 2010 г. на историческом факультете БГУ прошел «круглый стол», посвященный юбилею академика Е.Ф.Карского, в этот же день в Национальной библиотеке Беларуси состоялась презентация электронного издания «Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння». В этих мероприятиях помимо хозяев приняли участие А.А.Карский, сотрудники Санкт Петербургского филиала Архива РАН⁵. В год 155-летия со дня рождения ученого историками и архивистами Беларуси и России созданы и выставлены

¹ Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. С. 501.

² Фрагменты этого исследования, правда, пока не захватывающие «университетский период» в деятельности ученого, опубликованы в журнале «Нёман» (2010. № 9. С. 116—129; № 10. С. 148—170; 2011. № 8. С. 144—177; № 12. С. 232—275; 2012. № 3. С. 134—163; 2013. № 3. С. 127—158; № 10. С. 149—162).

³ Карский Евфимий Федорович (к 150-летию со дня рождения): библиографический обзор/сост. А.А.Карский.—Гродно: ГрГУ, 2010.—123 с.

⁴ В настоящее время сотрудниками С-Петербургского филиала Архива РАН (далее СПбФ АРАН) совместно с коллегами из Института истории НАН Беларуси создана БД «Академик Е.Ф.Карский (1860—1931): научное наследие в архивных документах», выставленная на сайте филиала. Режим доступа: taran.spb.ru/rus/page/604. Дата доступа: 23.02.2016.

⁵ См.: Архівазнаўчыя інтарэсы акадэміка Карскага (Да 150-годдзя з дня нараджэння) // Архівы і справарадства 2011. № 1. С. 27—31.

в сети Интернет базы данных о документальном наследии Е.Ф.Карского, хранящемся в белорусских и российских архивах, что также имеет важное значение, в том числе и применительно к проблематике настоящей статьи¹.

В 1917 г. доктор русского языка и словесности Е.Ф.Карский был едва ли не самым известным в научном мире России (и не ее одной!) белорусом. Ученого только что (в 1916 г.) первым среди белорусов избрали действительным членом Петроградской Академии наук. За его плечами было пятилетнее ректорство (1905—1910) в императорском Варшавском университете. Однако, наибольшую известность Карскому на “малой родине” принесли его занятия изучением «белорусского наречия». В 1893 г. в Киевском университете св. Владимира он защитил первую в истории языкоznания магистерскую диссертацию по белорусской филологии «Обзор звуков и форм белорусской речи»; через три года стал доктором русской филологии, защитив в Московском университете диссертацию «Западно-русские переводы псалтыри в ХУ—ХVII веках».

Увидевшая в 1903 г. свет книга Е.Ф.Карского «Белорусы», которая, по словам автора «...написана не слишком специально и потому может быть доступной для интеллигентного читателя»², равно как и другие работы ученого по белорусской филологии «открыли белорусский народ всему просвещенному миру»³. В скобках заметим, что такая возвышенная оценка вклада Е.Ф.Карского в белорусоведение, сделанная в 1924 г. председателем Инбелкульта С.М.Некрашевичем, не всеми и не всегда разделялась. И речь идет не только о явных недоброжелателях ученого, которых достаточно появилось особенно после октября 1917 г. и о которых скажем ниже, но и о некоторых исследователях более позднего времени⁴.

¹ См. сн. 17, а также рубрику «Жизнь и деятельность выдающегося исследователя белорусской культуры Е.Ф.Карского» на сайте «Архивы Беларуси». Режим доступа: archives.gov.by/index.php?id=572797. Дата доступа: 14.01.2016.

² Карский Е.Ф. Белорусы. Т.1: Введение в изучение языка и народной словесности, с приложением двух карт. Варшава: Типогр. Варшавского учебного округа, 1903. С. 1У.

³ СПб АРАН. Ф. 292 (Е.Ф.Карский). Оп. 2. Д. 99. Л. 4 (Из письма С.М.Некрашевича Е.Ф.Карскому от 18 августа 1924 г.)

⁴ Здесь мы имеем в виду мнение известного белорусского историка, археографа, этнографа Н.Н.Улащика (1906—1986), бывшего студентом одного из первых наборов социально-исторического отделения педфака БГУ, который, размышляя незадолго до смерти о прошлом и современном Беларуси и обращаясь к научному наследию Е.Ф.Карского, писал: «Пачынаючы сваю шматтомуную працу “Беларусы”, ён ня мог, праўда, нават у далёкай перспектыве прадбачыць, што з гэтага будзе, ва ўсякім разе ён ніколі ня збіраўся выводзіць гэта “племя” ў людзі[выделено мною—М.Ш.]... Можна нават думасць, што тэма “Беларусы” і ў прыватнасці беларуская мова, была такая занядбаная і што ўзяўшы гэту занядбаную тэмую, можна будзе здабыць сабе імя ў науцы. Ня магу сцвердзіць, што было якраз так, але што сваімі працамі Карскі ня збіраўся ўзняць свядомасць народу.

Осенью 1915 г. занимавший кафедру русского языка на историко-филологическом факультете императорского Варшавского университета проф. Е.Ф.Карский вместе с университетом эвакуируется в Ростов на Дону, в котором проживет ровно год. С избранием в действительные члены Академии наук он в октябре 1916 г. переселился в российскую столицу, из которой вынужден был съехать в 1918 г. в Минск, “спасаясь от Петроградского голода”, как писал он в конце 1919 г. своему чешскому коллеге И. Попивке¹. Летом 1920 г. ученый навсегда покинет Минск, и провозглашенный 1 января 1919 г. столицей советской Беларуси, и вернется в Петроград. Он откажется занять пост председателя создаваемого в 1922 г. высшего научного учреждения —Института белорусской культуры, на базе которого в конце 1928 г. будет образована Белорусская Академия наук, оказывая, тем не менее, всевозможную поддержку молодому научному учреждению республики. Ученый будет поддерживать контакты и с начавшим работать с осени 1921 г. Белорусским государственным университетом, к созданию которого он приложил так много усилий. Об этом и пойдет речь далее.

Впервые идею о необходимости создания в Беларуси университета Е.Ф.Карский продекларировал на Первом Всебелорусском съезде, состоявшемся в Минске в декабре 1917 г.². Сделал он это в форме доклада “Об открытии первого Белорусского университета”, с которым выступил 15 декабря на заседании культурно-просветительской секции съезда. По мнению докладчика наиболее подходящим местом для университета в составе четырех главных факультетов (историко-филологического, юридического, естественно-математического и медицинского) должен был стать Минск, “при условии, однако, что другие высшие учебные заведения, которые со временем должны быть открыты в Белоруссии, как политехникум, сельскохозяйственный, лесной и ветеринарный институты, были размещены в других крупных центрах края

гэта пэўна[выделено мною—М.Ш.]... Карскі да самой смерці ня згаджалаўся з тым, што беларусы гэта народ і што ў іх свая мова. Для яго мы былі племенем са сваёю гаворкаю (наречием); у пачатку сваёй дзейнасці, Карскі нават ня быў пэўны—“наречие” гэта ці “поднаречие”(Улашчык М.М. Думкі пра мінулае і сучаснае (3 рукапіснай спадчыны) // Скарыніč: Літ.-наук. гадавік. Вып.4. Мн: Беларускі kniagazbor, 1999. С. 217).

¹ Цит. по: Лемешкин И.В. Профессура императорского Варшавского университета и Прага// Российские ученые гуманитарии в межвоенной Чехословакии: сб. статей. М., 2008. С. 78.

² Протокольная запись доклада Е.Ф.Карского «Об открытии первого Белорусского университета на заседании культурно-просветительской секции Всебелорусского съезда 15 декабря 1917 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 457 (Белорусский национальный комитет). Оп. 1. Д. 2. Л. 33—35; опубл.: Беларускі гістарычны рускій національны комітэт. 2001. № 4. С. 14—16; Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 28—33.

с тем, чтобы очаги просвещения более равномерно обнимали Белоруссию¹. Карский считал, что университет следует обставить таким образом, чтобы привлечь в него местную учащуюся молодежь и тем самым предупредить ее отток в университеты соседей².

“Особенно нежелательно,—подчеркивал Карский, как недавний ректор императорского Варшавского университета,— было бы бегство в Варшавский польский унив[ерситет], где студенты беларусы- католики могли бы легко ополичиваться. По чисто экономическим причинам нежелательны их отливы и в другие русские университеты, так как необходимо, чтобы белорусские интеллигентские силы и средства, затрачиваемые на получение образования, оставались на месте”³.

Заслушав доклад, возглавляемая Карским Комиссия высшей школы культурно-просветительской секции съезда высказалась “за неадкладнае адкрыццё ў Беларусі Беларускага Універсітэту, Сельскагаспадарчага Інстытуту й Палітэхнікі”⁴. Во исполнение данного решения с провозглашением в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики ее Народный секретарь по просвещению А.Смолич в апреле 1918 г. создал комиссию, поручив ей провести подготовительную работу по открытию университета. В состав ее помимо самого А.Смолича как председателя вошли также на правах членов Е.Ф.Карский, М.В.Довнар-Запольский, проф. М.Масониус, бывший директор Минской гимназии В.Самойло и др. Двум первым поручалось подготовить проекты университетского устава, что и было ими успешно выполнено⁵.

Оценивая впоследствии эти проекты, занявший летом 1921 г. пост ректора Белорусского государственного университета, доктор русской

истории, профессор МГУ В.И.Пичета отмечал: “Проект акад. Карского — сторонника великолдержавных интересов, стремился к тому, чтобы будущий университет в Минске ничем не отличался от университетов проч. России. Все преподавание должно вестись на русском языке и только, в виде исключения, вводятся в качестве предметов преподавания отдельные белорусские предметы. Весьма примечательно, что акад. Карский счел необходимым открытие Богословского факультета для православных, католиков и протестантов. Проект Довнар-Запольского по существу мало чем отличается от проекта Карского”¹.

В скобках заметим, что было бы странным, если бы ординарный академик, профессор двух императорских университетов России (Варшавского и Петербургского) и даже ректор первого не учитывал существовавшие университетские традиции, исполняя данное ему поручение составить проект устава для университета демократической республики. Заметим также, что выше приводимая подчеркнуто негативная оценка политических взглядов Е.Ф.Карского со стороны В.И.Пичеты обусловлена, на наш взгляд, не одними лишь условиями, в которых последний ее давал (будучи арестованным осенью 1930 г. по т.наз. “делу академика С.Ф.Платонова”), но и существовавшими расхождениями в научных взглядах ученых по ряду принципиальных вопросов².

Как выше уже отмечалось, переехавший летом 1918 г. в Минск Е.Ф.Карский продолжил здесь свои занятия по организации университета, сочетая их с научной деятельностью в области этнографии, филологии, литературоведения³. Оккупационные власти не препятствовали этому, хотя

¹ Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 31.

² Такой же заботой о сохранении интеллектуального потенциала Беларуси проникнут и доклад коллеги Е.Ф.Карского по открытому в июне 1918 г. в Москве Белорусскому научно-культурному обществу—профессора М.К.Любавского, с которым тот выступил на первом его заседании 1(14) июля 1918 г. Завершая доклад, он, в частности, говорил: “...никакое совершенствование жизни, никакой прогресс невозможен для страны и племени, если все живые и творческие силы его будут уходить на сторону, не будут работать дома, на местах, если всегда будут смотреть на сторону, стремиться туда, где живется веселее и радостнее, чем в тихой серой и заплаканной родине” (Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии: Доклад, читанный на первом публичном заседании Белорусского научно-культурного общества в Москве 1(14) июля 1918 года. М.: Тип. А.П.Яроцкого, Остоженка, Молочный пер., д. 10, 1918. С. 23). Заметим, кстати, что на этом же заседании Е.Ф.Карский был избран почетным членом Общества, о чём его председатель В.И.Пичета извещал академика в письме от 10 августа 1918 г. (СПБФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2. Л. 12).

³ Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 30.

⁴ Канчэр Е. Белорусский вопрос. Пг., 1919. С. 72.

⁵ Нотат. 1918. № 37 (233), 49(245). Составленный Е.Ф.Карским проект устава университета был опубликован в газ. «Вольная Беларусь» (1918, 13 кастр.)

¹ Из протокола допроса В.И.Пичеты в Ленинградском ДПЗ 26 сентября 1930 г. // Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 278.

² Это особенно заметно в составленной В.И.Пичетой по поручению ЦК КП(б)Б осенью 1939 г., т.е. спустя пять лет после его возвращения из административной ссылки и носившей характер экспертного заключения записке «К вопросу о южной границе БССР», в которой он значительное место уделил критике «Этнографической карты белорусского племени» Е.Ф.Карского, допуская возможным применять в отношении уже умершего к этому времени ученого эпитеты типа «черносотенный академик Е.Ф.Карский» и т.п. (Записка опубл. в кн.: Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 316—325). Правда, через пять лет, выступая 6 января 1944 г. в Институте истории АН СССР с докладом «25 лет создания Белорусской ССР», В.И.Пичета отмечал: «Карский в своих более поздних работах, которые относятся к 1917 гг. и особенно периоду Советской власти, изменил свою точку зрения, признав белорусский язык, и я должен отметить его громадные научные заслуги в изучении белорусского языка, его фонетике, морфологии, семантике и т.д.» («История белорусского народа довольно своеобразна». Доклад В.И.Пичеты «25 лет создания Белорусской ССР», 1944 // Исторический архив. 2016. № 3. С. 40).

³ В конце мая 1918 г. Российская Академия наук командирует его на 3 месяца (до 1 сентября 1918 г.) в Варшаву, Киев и Нежин для научных занятий (СПБФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 105. Л. 1). Имеются сведения, что прибывший с разрешения немецких властей в зону

и не оказывали никакой материальной поддержки, о чем свидетельствовал сам ученый в носившей местами характер дневника записной книжке с “Отчетом о командировке 1918/19 гг.”. Приведем здесь любезно предоставленную в наше распоряжение А.А.Карским запись ученого за октябрь 1918 г.: «...Заботясь о средней и начальной школе, я не забывал и основной цели моего пребывания в Минске — открытия здесь университета [выделено мною — М.Ш.]. Узнав от остатков комиссии [под руководством Народного секретаря по просвещению БНР А.Смолича — М.Ш.] (между прочим от [Я.]Лёсика [одного из организаторов БНР, в июне 1918 г. возглавившего ее Раду — М.Ш.], [А.А.]Савича [историка, впоследствии профессора БГУ — М.Ш.] и др.), что по этому предмету не было заседаний и ничего не сделано, я обратился в немецкое командование, чтобы узнать его мнение по этому предмету. На аудиенции кроме меня присутствовал еще [Я.] Воронко [один из организаторов БНР, до июля 1918 г., возглавлявший ее правительство — М.Ш.]. Выяснилось, что немцы против высшего учебного заведения ничего не имеют, даже сочувствуют этому предмету, но средств предоставить не могут...»¹.

Тем не менее, сделано было немало, ибо в противном случае трудно объяснить принятие высшим законодательным органом Беларуси буквально через два месяца после провозглашения ССРБ декрета "О создании Белорусского государственного университета в г. Минске"². Из скучных средств молодой республики на первые и наличные нужды по организации университета был выделен один млн руб.

В той же записной книжке Е.Ф.Карский отметил свою причастность к принятию этого акта следующей записью: «Наконец и моя деятельность по открытию университета в Минске начала приносить плоды, результатом чего явился...» и далее следует вклейка вырезки из газеты «Звезда» от 1 марта 1919 г. с вышеупоминавшимся декретом ЦИК Беларуси, принятым 25 февраля 1919 г., т.е. буквально за день до ликвидации ССРБ путем ее объединения с Литовской ССР и создания Литовско-Белорусской ССР со столицей в Вильне³. Последняя, как известно, была занята

оккупации ученый начал знакомство с творчеством белорусского писателя и драматурга Ф. К. Олехновича, посвятив обзору его драматургии один из разделов научного сборника, изданного в 1926 г. на немецком языке в Берлине (Об этом см.: Мальцев В. В. Белорусский театр в освещении немецкой печати периода Первой мировой войны // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2015. Вып. 16. С. 141).

СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 107. Л. 13 об.—39.

² Звезда. 1919. 1 марта

³ В этот же день, накануне отъезда в столицу Литбел-- г. Вильню-- еще существовавший Президиум ЦИК ССРБ принял постановление о создании Минского губернского рекома, призванного осуществлять власть во всех уездах Минской губ. и Вилейском уезде Виленской губ; остальные административно-территориальные единицы бывшей ССРБ должны

польскими войсками 21 апреля 1919 г., а 8 августа этого же года Красная Армия оставила Минск.

Тогда же, в феврале 1919 г. председатель ЦИК ССРБ, одновременно возглавлявший и Центральное бюро КП(б)Б А.Ф.Мясников собирает заседание с целью решения организационных вопросов по университету. В нем участвует и академик Е.Ф.Карский, записавший в своей записной книжке: «В б. губернаторском доме было созвано заседание, открытое Мясниковым, при участии Саватиева и прибывших из Смоленска профессоров Марека, Егорова и др.; из минских участвовали я, Андерсен, Ивановский, Фрумкина и др. На заседании была образована комиссия, в которую вошли почти все бывшие на заседаниях, в том числе и я. Затем я был избран председателем комиссии...»¹.

Несмотря на отсутствие у Е.Ф.Карского даты, к которой относилось вышеизначенное заседание, можно предположить, ссылаясь на свидетельство Ф.Ф.Турука, что оно проходило вслед за принятием 25 февраля 1919 г. декрета ЦИК ССРБ. Правда, Турук говорил и о предшествовавшем принятию декрета частном совещании группы лиц, состоявшемся под руководством наркома просвещения ССРБ А.Г.Червякова. В числе его участников он называет помимо себя академика Е.Ф. Карского, профессоров и преподавателей Минского педагогического института В.Л.Ивановского, Б.А.Тарашкевича, А.С.Неканда-Трепку, зав. городским отделом народного образования М.Я.Фрумкину и Березову. По его словам имело место и еще одно заседание, теперь уже в Минском исполкоме. «После того,-- пишет он,-- как по докладу заведующей городским отделом народного образования Минский исполком в заседании 16 февраля высказался за энергичную поддержку ходатайства о создании в гор. Минске Государственного университета, а большой президиум ЦИК Советов Белоруссии в заседании 24 февраля признал «открытие Государственного университета в Минске весьма желательным» и ассигновал из сумм государственного казначейства 1 000 000 рублей на первоначальные расходы, в Минске при губернском комиссариате народного просвещения была создана специальная комиссия по организации университета в составе акад. Е.Ф.Карского, проф. Андерсена, Васютинского, Ивановского, Масловского, д-ра Камин-

были подчиняться непосредственно правительству Литбел. Его возглавил И.С.Саватиев (И.С.Савацей). В состав ревкома вошли Н.И. Кривошеин, А.М.Криницкий (Бамп), А.Г.Червяков и др. 29 апреля 1919 г. в связи с переездом правительства Литбел в Минск ревком был ликвидирован; его отделы слиты с наркоматами, функции перешли к Совету обороны, Совнаркому и другим центральным органам Литбел. 26 июля 1919 г. вновь восстановлен в Бобруйске в связи с оккупацией большинства территории Беларуси польскими войсками; ликвидирован в августе 1919 г. Вновь создан 9 июля 1920 г. в связи с началом освобождения Минской губ. Председатель--А.Г.Червяков, члены: И.А.Адамович, В.М.Макаров, С.П.Колчинский и др.

Игнатовский, С.Д. Каминский и др.
СПбФ АВАН Ф. 292. Оп. 1. Л. 107. л. 13 об.—39

ского, Войцеховского и М.Я.Фрумкиной, задачей которой являлась всесторонняя разработка вопросов, связанных с организацией университета и проведение их в жизнь»¹.

На состоявшемся 22 марта 1919 г. в Москве под председательством члена коллегии, зав. отдела вузов Наркомпроса РСФСР В.Т.Тер-Оганесова совещании по организации университета (в нем участвовали представлявшие Наркомпрос РСФСР В.П.Волгин, ЦИБ Литбел А.Ф.Мясников, белорусский подотдел Отдела просвещения национальностей Наркомпроса РСФСР Ф.Ф.Турук, тот же отдел Макинциан, Белорусское научно-культурное общество Н.А.Янчук и В.Р.Брайцев, Смоленский университет Миллер и Теодорович, Минский педагогический институт Родзевич) выступавший после Тер-Оганесова, проинформировавшего участников совещания о том, что ему поручено создать комиссию по организации Государственного университета Беларуси, А.Ф.Мясников отметил, что «Государственный университет в Минске уже является фактом. В Минске работает Комисия из семи лиц при Губ. отделе народного образования»². Несмотря на попытки Мясникова, поддержаные Макинцианом, убедить представителей Наркомпроса РСФСР в необходимости иметь одну, Минскую комиссию, в которую центр должен дать своих представителей, они не были приняты во внимание.

Более того, Тер-Оганесов подчеркнул, что к местной комиссии следует подходить весьма осторожно, ибо у нее есть свои положительные и отрицательные стороны. «Для разрешения большого вопроса, каким является вопрос об открытии университета,—заметил он,— необходимы силы, которых на месте очень мало, причем и ряд вопросов общего, принципиального значения (тип учреждения, план и программы и проч.) требует своего разрешения в Центре»³. В итоге наряду с существовавшей в Минске и возглавляемой Е.Ф.Карским комиссией была создана и Московская во главе с В.Т.Тер-Оганесовым. В ее состав вошли проф. В.П.Волгин, Ф.Ф.Турук, А.Ф.Мясников и представитель Минской университетской комиссии⁴.

Интересно отметить, что на этом заседании дважды прозвучал звоночек относительно, если можно так выразиться, «недостаточной благонадежности» Минской комиссии (читай—ее руководителя): в первом случае—в выступлении председательствующего, призвавшего весьма осторожно подходить к местной комиссии и во втором—в заключении совещания, в котором говорилось буквально следующее: «в связи с текущим социалистическим строительством необходимы новые люди с новыми методами и новым содержанием работы и что, в частности, преподавание об-

щественных наук формально-систематическое старой школы должно заменяться исторически актуальным, марксистским, что для выполнения этих новых задач в Минске сил более чем недостаточно»⁵.

На очередном заседании коллегии отдела вузов Наркомпроса, проходившем 28 марта 1919 г. уже под председательством заместителя наркома М.Н.Покровского и заслушившем вопрос об открытии Белорусского университета в Минске, В.Т.Тер-Оганесов доложил мнение только что созданной Московской комиссии о необходимости открытия университета данной пока в составе трех факультетов (агрономического, естественного и экономических наук) и посыпал в Минск специальной комиссии для ознакомления с положением дел на месте. Выступивший затем Ф.Ф.Турук, указав на существование в Минске особой Комиссии в составе Андерсена, Карского, Ивановского, Васютинского, Каминского и Фрумкиной, счел целесообразным открыть университет в составе пяти факультетов, приурочив это к 1 мая 1919 г. Завершая заседание, М.Н.Покровский, ссылаясь на уже существующие в Беларуси два новые вуза, нашел возможным обождать с открытием агрономического и естественного факультетов, ограничившись пока лишь факультетом общественных наук.

Между тем в Минске начинают проявляться те, высказываемые в Москве, сомнения в «политической благонадежности» существующей здесь университетской комиссии и прежде всего ее руководителя, работавшего профессором реэвакуированного в октябре 1918 г. из Ярославля Минского училища, реорганизованного в декабре этого же года в Педагогический институт. 14 апреля 1919 г. на заседании отдела по народному образованию Минского губвоенревкома был рассмотрен вопрос об участии проф. Е.Ф.Карского в работе университетской комиссии. Он был вызван полученной от заместителя Наркомпроса Литбел Биржишки телеграммой с требованием отстранить Карского от работы в комиссии. В принятом по этому поводу отделом постановлении говорилось: «Привлекая проф. Карского для работы в Университетской комиссии, Губ. отд. нар. обр. ясно представляет себе политическую физиономию проф. Карского, однако, считаясь с его большим практическим опытом, отдел счел нужным привлечь его в Комиссию в качестве технического работника, причем отдел не берет на себя обязанность предоставить ему ответственную работу в будущем университете и поэтому в данное время не считает возможным отказаться от его услуг и полагает, что телеграмма вызвана недородуманием»⁶.

Со своей стороны полагаем, что такое постановление было уловкой со стороны отдела: представив деятельность Е.Ф.Карского в комиссии как

¹ Турук Ф.Ф. Университетская летопись. С. 181.

² Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Турук Ф.Ф. Университетская летопись С. 182.

⁵ Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 45.

⁶ Там же. С. 48.

чисто техническую, дать тем самым ему возможность продолжить работу в ней. Как свидетельствуют протоколы заседаний последней от 24 и 27 апреля академик продолжал руководить комиссией. Правда, к этому времени местной ЧК на его квартире был произведен обыск и с ученого взяли подпись о невыезде, о чем он и сообщал коллегам, объясняя невозможность поехать в Москву, куда вызывала тамошняя комиссия, в ультимативном тоне требующая подчинения себе Минской университетской комиссии.

Давление на ученого шло не только по линии университетской комиссии. 14 мая 1919 г. Наркомпрос Литбел вынес решение, согласно которому академик отстранялся от должности профессора Минского педагогического института. Проявляя солидарность, Совет института, членом которого являлся Е.Ф.Карский, в тот же день на своем заседании рассмотрел вопрос «Об устраниении от должности профессора Пед. института Е.Ф.Карского» и принял решение избрать комиссию в составе трех человек под руководством директора Института В.М.Игнатовского для выражения сочувствия профессору и ходатайства перед Наркомпросом об отмене его решения «виду тех затруднений, кои создаются для Института в связи с внезапным уходом академика Е.Ф.Карского»¹.

В заседании Совета института, состоявшемся на следующий день, В.М.Игнатовский сообщил о результатах своих переговоров в Наркомпросе Литбел, вследствие которых академику Е.Ф.Карскому было разрешено принимать зачеты и закончить учебный год. «Комиссариат согласен пересмотреть его дело,—информировал Игнатовский,—при условии изложения им своего credo»². Совет решил избрать комиссию для редактирования своего постановления и «внести в это постановление те мотивы, которые были приведены Игнатовским в беседе с тов. Лещинским»³.

23 мая 1919 г. Совет Института обратился к Е.Ф.Карскому с просьбой продолжить работу, приложив к письму копию соответствующего отношения Наркомпроса Литбел в Институт⁴.

С занятием польскими войсками Минска деятельность Университетской комиссии во главе с Е.Ф.Карским не прекратилась, хотя она и носила достаточно ограниченный характер⁵. Состоя членом Белорусского нацио-

нального комитета, ученый занимался в это время преподавательской работой в Минском педагогическом институте, писал статьи преимущественно в редактируемую Я.Лёсиком газету «Беларусь». В конце декабря 1919 г. вместе с женой он выезжал в Варшаву по делам личной библиотеки, оставленной там вследствие спешной эвакуации из города осенью 1915 г.

Летом 1920 г. начинается очередной этап в деятельности Е.Ф.Карского по созданию Белорусского государственного университета. Это, на наш взгляд, доказывает абсурдность и ложность предъявляемых ему годом ранее обвинений и очевидную необоснованность репрессивных мер в его отношении (обиск ЧК на квартире, взятие с него подписки о невыезде, отстранение от работы в Минском пединституте и т.п.). В случае, если бы они действительно имели место, Е.Ф.Карскому летом 1920 г. вряд ли позволили бы продолжить занятия по организации университета.

11 августа 1920 г., т.е. буквально через месяц после освобождения Минска от польских войск, он во главе Университетской комиссии выезжает в Москву с задачей установления контактов с продолжавшей там действовать, как он полагал, «главной Московской комиссией по открытию университета в Минске», привлечения в создаваемый университет профессорско-преподавательских кадров. Однако, по приезде в Москву выяснилось, что созданная там в прошлом году комиссия летом того же года прекратила свое существование и ее предстояло создавать заново. В результате переговоров и обсуждения ряда вопросов организационно-правового характера 18 августа 1920 г. было принято решение «об учреждении здесь [т.е. в Москве—М.Ш.] Комиссии по организации Минского университета», включив в нее В.Т.Тер-Оганесова, В.П.Волгина, Ф.Ф.Турука, Е.Ф.Карского, В.И.Пичету, Л.С. Минора и И.Д.Шимановича и поручив ей в случае необходимости кооптировать и других лиц (вскоре в ее состав был включен проф. Д.Н.Прянишников)¹.

Как действительный член Российской Академии наук, Е.Ф.Карский не мог не поставить вопроса о том, позволят ли ему обязанности в отношении Академии наук жить в Москве и принимать участие в работе комиссии. Во всяком случае, 28 августа он еще присутствовал на заседании в Наркомпросе РСФСР, проходившем под председательством Тер-Оганесова².

Дадим далее слово А.А.Карскому, согласившемуся ответить на наш вопрос относительно последовавших затем событий, связанных с участием Е.Ф.Карского в создании Белорусского университета. В письме к автору настоящей статьи от 27 февраля 2016 г. он пишет:

«26 августа 1920 года [sic!—М.Ш.] Е.Ф.Карский участвует в заседании подкомиссии по организации историко-филологического факультета

¹ НАРБ. Ф. 221(Минский гос. педагогический институт). Оп.2. Д. 2. Л. 35.

² Там же. Л.36.

³ Там же. Заметим, что репрессиям подвергался не только Е.Ф.Карский; Особым отделом был арестован и проф. Минского пед. института В.Л.Ивановский, за которого также хлопотал Совет Института.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 23.

⁵ Во всяком случае, докладывая в августе 1920 г. в Наркомпрос РСФСР о цели приезда возглавляемой им делегации, Е.Ф.Карский на первом приеме, состоявшемся 11 августа, отмечал «работу, произведенную в Минске зимою 1919—1920 гг.» (Память і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 54).

¹ Память і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 59.

² Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. соч. С. 11.

культета (совместно с В.И.Пичетой и Ф.Ф.Туруком). После этого укладывается и вместе с женой отбывает в Петроград. 1 сентября он уже в Петрограде пишет записку А.К.Мордилко (приглашает в БГУ). Далее его работа хорошо прослеживается по протоколам заседаний ОРЯС и Общих собраний АН. Правда, в середине сентября он еще раз съездил в Москву, опять по делам БГУ. А в 1921 году у него была командировка в Минск. Удостоверение № 689 от 7 июня. При этом никаких приглашений на открытие БГУ в архиве нет. Имею в виду даже не карточку, аналогичную приведенной в книге о БГУ на имя О.Дыло (отпечатанную, вероятно, незадолго до 11 июля)¹, а официальное письмо в РАН или лично. Не нашли Е.Ф.Карского и в Минске (известно, что он встречался с Якубом Коласом; также занимался, вероятно, подготовкой передачи своей библиотеки в БГУ). В архиве имеется письмо М.Фрумкиной (без даты) с версией: якобы приглашение не дошло... Похоже, Е.Ф.Карский отбыл из Минска накануне событий. Полагаю, с одной стороны, ему было досадно, а с другой стороны - чего ж и ждать еще от людей, оказавшихся на плаву в послереволюционном штурмящем море? Университет изначально закладывался несвободным, перегруженным идеологией и контролем. Об этом не принято писать, но это был явный шаг назад от достигнутых в 1905 году академических свобод. И тем не менее даже такой университет должен был начать работу - а там жизнь покажет и всё расставит на свои места. Вот, мне кажется, какой была позиция академика².

На наш взгляд, это объяснение отхода (или оттеснения?) академика Е.Ф. Карского от университетских дел представляется верным; во всяком случае, с его отъездом из Минска можно напрямую связывать возникшую там ситуацию, ставшую предметом рассмотрения высшего партийного органа республики. Приведем выдержку из заседания ЦБ КП(б)Б от 8 февраля 1921 г.: «Слушали: 1. Об университете. Доклад профессора т. Гурвича: Комиссия в целом не существует... Здесь ничего не удалось выяснить, необходимо поехать в Москву, говориться с Московской комиссией в составе Пичеты, Турука и Гринберга. Здесь планов нет. Считаю, что Центральная организационная комиссия должна быть здесь, в Минске. Тем не менее в Москве должна быть комиссия с определенными полномочиями. Причем их функции должны выражаться в связывании Компроса Бело-

ссии с Компросом РСФСР, в получении средств, привлечении профессоров и т.д.».

Назначенный на этом же заседании ЦБ КП(б)Б председателем университетской организационной комиссии Гурвич вряд ли мог заменить академика Е.Ф.Карского, пользовавшегося заслуженным авторитетом и уважением в научных кругах России (и не ее одной!), что давало ему возможность решать не только организационного характера вопросы по университету, но особенно важные в той ситуации кадровые.

Как признавал арестованный осенью 1930 г. бывший первый ректор БГУ В.И.Пичета, его обращения накануне открытия университета к работавшим в РСФСР профессорам-белорусам с просьбой дать согласие на пе-реезд в Минск или хотя бы на чтение лекций в университете не имели успеха; новому университету не доверяли. Мешало также пограничное положение Минска и слухи о войне с Польшей. «Не будучи белорусом, -- жение Минска и слухи о войне с Польшей. «Не будучи белорусом, -- отмечал он, -- я не был знаком с ними [белорусскими деятелями — М.Ш.] до 1921 г. Впервые столкнулся в Москве, когда после заключения Рижского мира была открыта комиссия по подготовке открытия университета в Минске, куда я был приглашен в качестве члена комиссии зам. наркомпроса БССР т. М.Я.Фрумкиной и зав. Главпрофбором РСФСР О.Ю.Щимдтом. В комиссии принимали также участие петербургский работник З.С.Гринберг»².

Другое дело — академик Е.Ф.Карский, который своим высоким научным авторитетом гарантировал серьезность и надежность мероприятия, в котором участвовал, имея в виду открытие в Минске университета. И уже после начала работы университета к нему, как авторитетнейшему ученыму и опытнейшему организатору в сфере высшей школы, которому верили и коллеги и ученики, продолжали обращаться руководители БГУ с просьбами «порекомендовать», «говорить», «убедить» тех, в ком был заинтересован молодой белорусский университет.

Работая над статьей для выше упоминавшейся книги о выдающихся людях университета о ставшем в 1922 г. профессором БГУ, литературоведе И.И.Замотине, автор настоящей статьи обратил внимание на появившуюся в 2010 г. в белорусском биографическом альманахе «Асоба і час» публикацию Т. Чернякевича «Наука, среда, момент (Материалы к биографии И.И.Замотина и А.М.Евлахова)» представлявшую собой подборку ряда документов из хранящихся в фонде БГУ в НАРБ личных дел указанных ученых³. Сами по себе документы носят «бытовой» характер и известны автору; однако, показалось любопытным предисловие к ним. В последнем

¹ Здесь А.А.Карский имеет в виду факсимиле пригласительного билета О.Л.Дыло на празднование первой годовщины БГУ 30 октября 1922 г., воспроизведенное в кн.: Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941 (вклейка 17 между с. 168—169). Что касается пригласительного билета (без адресата) на открытие университета 11 июля 1921 г., его факсимиле также приводится в этом же блоке вклейк .

² Личный архив автора .

¹ Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. С. 63.

² Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 277.

³ Наука, среда, момент (Материалы к биографии И.И.Замотина и А.М.Евлахова) // Асоба і час: беларускі біяграфічны альманах. Мн.: Лімарыус, 2010. Вып.2. С. 151—160.

составитель со ссылкой на Антона Адамовича¹ писал, что "именно с подачи Е.Ф.Карского, бывшего варшавского и ростовского [sic!"—М.Ш.] ректора (в 1916 г. перешедшего на другую работу), были приглашены и вскоре переехали в Минск многие преподаватели варшавской школы. Но Антон Адамович, как известно, был большим мистификатором и часто группировал факты по схемам собственного производства"².

Анализируя далее источники, Т. Чернякевич выдвинул версию, что решение переехать в Минск летом 1922 г. И.И.Замотин скорее всего принял под влиянием А.Н.Вознесенского, который уже к осени 1921 г. являлся профессором БГУ. При этом Чернякевич писал: "По крайней мере академик Е.Ф.Карский, находившийся в Петербурге [sic!"—М.Ш.] и предпочитавший в то время наблюдать за БГУ на расстоянии, вряд ли мог участвовать в вопросе переезда И.И.Замотина в Минск"³.

Автору настоящей статьи показалась неубедительной эта версия и он попросил прокомментировать ее А.А.Карского, получив от последнего своеобразное мини-исследование в форме письма от 29 января 2016 г., фрагменты которого с разрешения автора приведем ниже:

«С давних пор прослеживается чёткая тенденция оттеснить академика Е.Ф.Карского от Белорусского университета, принизить его роль и значение в создании этого учебного заведения. Неловкость для ортодоксальных историков заключается в том, что именно Е.Ф.Карский всегда ставил вопрос о необходимости университета в Беларуси: и на I Всебелорусском съезде, и затем перед правительством БНР, и даже перед немецким оккупационным командованием. И в 1919 году он ставит всё тот же вопрос перед новой советской властью. ...Конечно, Е.Ф.Карский в 1920 - 1921 годах постоянно думал, кого можно пригласить в Минск. Но проблема в том, что серьезные ученые не стремились переезжать в Минск. Понимаю, это бывает по самолюбию белорусов, но это факт. Имеется вежливый отказ филолога П.А.Расторгуева (октябрь 1920, СПбФ АРАН, ф. 292, оп. 2, ед. хр. 119, л. 5). Обращение Е.Ф.Карского к зоологу А.К.Мордвинко (СПбФ АРАН, ф. 348, оп. 2, ед. хр. 130, л.1) не имело никаких последствий, историк Н.Н.Глубоковский рекомендовал вместо себя магистра богословия В.В.Четыркина (открытика в домашнем архиве), но тот предпочел уехать в Саратов.

Теперь подхожу к вопросу о приглашении И.И.Замотина.

Снова обращаюсь к записной книжке. После «Отчета о командировке 1918 / 19 г.» на листе 49 написано сверху Адреса. Ниже идут 18 фамилий. Из них 5 – родственники. Впереди с ними – фамилии

ученых. Против некоторых фамилий – телефоны. Есть и такие, что нет ни адреса, ни телефона. Но явно это фамилии людей, с которыми надо связаться, адреса или телефоны которых надо установить. Большинство так или иначе связаны с Минским университетом: Пичета В.И., Турук Ф.Ф., доктор Минор, Довнар-Запольский М.В. Тут же вижу Дьякова В.Н. (историка, профессора Смоленского университета, ошибочно написано – Дьяконов) и Хераскова И.М. (историка и социолога, также профессора Смоленского университета). Есть в списке и П.А.Расторгуев, переписку с которым я выше уже обрисовал. А между Туруком Ф.Ф. и Расторгуевым П.А. – Замотин Р.-Д. Дмитриев. 58.

Вот и посудите сами – приглашал Е.Ф.Карский И.И.Замотина в Минск осенью 1920 года или нет? О чем он мог писать своему коллеге? Писем не сохранилось, теперь, конечно, можно строить разные предположения. Я, например, зная деловой подход академика к подбору кадров, не сомневаюсь, что он сообщал в Ростов о создании университета. Но пока нет документа – все это только версии.

В списке я вижу еще одну фамилию, знакомую по Варшавскому университету: Кудревецкий Василий Васильевич (доктор медицины, отставной профессор, проживавший в Новочеркасске). Спрашивается, зачем теребить шестидесятилетнего профессора? Что общего у Е.Ф.Карского с В.В.Кудревецким (если не считать, что в 1908 году тот был и.о. ректора при отъездах Евфимия Федоровича)? Опять-таки, думаю, это кандидатура для Минского университета – не только учений, но и человек с опытом административной работы...

То, как обошлись с академиком Е.Ф.Карским, не пригласив его на открытие университета, иначе как хамством не назовешь. Оскорбили, а потом начинают уверять – Е.Ф.Карский отстранился... В СПбФ АРАН хранится письмо от Марии Фрумкиной (ф. 292, оп. 2, ед. хр. 151, л. 1, до меня никем не исследовалось). Дата не проставлена, но из текста ясно – 1921 год. Эта хитрая и косноязычная бывшая бундовка вдруг оказалась в белорусском Наркомпросе каким-то замом кого-то. Письмо написано славяным тоном. Она уверяет, что приглашение было послано, но просто не дошло. Что ж, может быть и так. У этих людей новой формации вечно что-то не получается: письма теряются, телеграммы не доходят, приглашения пропадают. А чего, казалось бы, проще – послать в АН СССР официальную бумагу? А по-моему, у них просто рефлекс такой: чувствуют, перед кем надо заискивать, а кому можно послать письмо даже без даты...

В апреле 1921 года он [речь шла о И.И.Замотине—М.Ш.] был арестован, дал показания по поводу своей брошюры, дело до суда не дошло и было прекращено распорядительным порядком (попал под амнистию конца 1921 года). Приведу фрагмент из его пространного обращения в Секретариат АН СССР:

¹ Адамовіч А. Да пабудовы навуковае гісторыі беларускае літаратуры// Адамовіч А. Да гісторыі беларускае літаратуры. Мн.: Выд. Зміцер Колас, 2005. С. 1113—1139.

² Наука, среда, момент(Материалы к биографии И.И.Замотина и А.М.Евлахова). С. 151.

³ Там же. С. 152.

«В конце 1921 – 1922 уч. года историко-филологический факультет Донского Университета был закрыт и началась реорганизация его в Педфак. В связи с этим я решил исполнить свое давнее желание перевестись для научной работы или в Ленинград или куда-нибудь ближе к Ленинграду и Москве. Так как устроиться в Ленинграде в данный момент не представлялось возможным, я подал заявление в Белорусский Университет, где при организации учебной жизни в новой высшей школе могла найтись для меня работа по моей прямой специальности. Заявление я подал по своей инициативе, без приглашения со стороны ректора В.И.Пичеты, с которым я тогда не был еще знаком лично. Мое заявление встретило благоприятный прием, и я был избран профессором Белорусского Государственного Университета...».

Объяснение это писалось в 1929 году, в период травли. Понятно, что И.И.Замотин тут не хочет бросать тень на В.И.Пичету, поэтому особо подчеркивает собственную инициативу с подачей заявления. И уж тем более не собирается он впутываться в эту историю Е.Ф.Карского. Поэтому о нем – вообще ни слова. А на самом деле, думаю, академик в конце 1920 года все-таки дал информацию И.И.Замотину о белорусском университете. Да только того в апреле 1921 года посадили¹.

Известны и другие аналогичного рода свидетельства об участии академика Е.Ф.Карского в приглашении профессоров для работы в Белорусском университете, зафиксированные в делопроизводственной документации его правления, факультетов, предметных комиссий и др. Приведем выдержку из протокола заседания предметной литературной комиссии педфака БГУ от 19 ноября 1923 г., на котором был рассмотрен вопрос о замещении кафедры русского языка «ввиду отказа А.В.Миртова войти в переговоры через А.Н.Вознесенского с проф. Саратовского университета Г.А.Ильинским, И.Е.Евсеевым и проф. Новороссийского университета Б.М.Липуновым». Было принято решение «просить Вознесенского войти в переговоры с кандидатами, рекомендованными академиком Карским [выделено мною—М.Ш.]»².

Сообщая в ноябре 1925 г. Е.Ф.Карскому о вынужденных занятиях административной работой по замещению должности председателя Главпрофобра Беларуси, С.М.Некрашевич писал: «Если и сделал полезное дело (в научном смысле), так это наладил работу по собиранию материалов для белорусского словаря... Также считаю очень полезным делом по своей специальности – это содействие в назначении и переезде в Минск проф.

¹ Личный архив автора.

² НАРБ. Ф. 205 (БГУ). Оп. 1. Д. 780. Л. 93 об.

Бузука (из Одессы). Хотя, впрочем, он передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы [выделено мною—М.Ш.]»¹.

Сам Е.Ф.Карский, отказавшись занять предлагаемую ему С.М.Некрашевичем должность председателя Инбелкульту, но пообещав оказывать содействие этому молодому научному учреждению республики, выполнял затем данные обещания, равно как и содействовал становлению и развитию университета. К нему за оказанием методической и практической помощи обращаются декан факультета общественных наук В.М.Игнатовский, возглавивший затем открытый осенью 1922 г. педагогический факультет, вышеупоминавшийся С.М.Некрашевич, занявший в январе 1922 г. должность председателя Инбелкульту и др.² В письме от 3 июля 1922 г. Игнатовский просит академика прочитать в грядущем учебном году курсы лекций по русскому, белорусскому и церковнославянскому языкам и русской диалектологии, приезжая для этого в Минск на один месяц в течение каждого семестра³. 28 июля этого же года С.М.Некрашевич сообщает Е.Ф.Карскому о введении с будущего учебного года в университете преподавания белорусского языка на всех факультетах. Ему поручено преподавание на медицинском факультете. Чувствуя себя недостаточно готовым, Некрашевич просит адресата помочь советом относительно объема преподавания; подсказать литературу для этого и т.п.⁴

С открытием педагогического факультета его приглашают на кафедру белорусской литературы и фольклора⁵.

18 августа 1924 г. С.М.Некрашевич пишет Е.Ф.Карскому о том, что его ждут в Минске сотни студентов Белорусского государственного университета: «Пришло время, когда Ваша работа в Минске становится крайне необходимой... Поэтому разрешите Вас просить по поручению Наркомпроса занять должность профессора Белорусского государственного университета по кафедре истории белорусского языка и штатную должность действительного члена Института белорусской культуры. Материальные условия у нас приличные. Квартиру Наркомпрос гарантирует. О Вашем согласии будьте любезны поставить Наркомпрос в известность. Если бы по каким-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп.2. Д. 99. Л. 97 об (Письмо С.М.Некрашевича Е.Ф.Карскому от 25 ноября 1925 г.)

² Как подчеркивал арестованный осенью 1930 г. В.И.Пичета «Вопреки большинству белоруссов он [С.М.Некрашевич—М.Ш.] поддерживал тесные связи с Карским и работал под его руководством в течение двух лет, официально занимая отрицательную позицию в отношении Карского» (Архив УФСБ РФ по по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Архив.—угол дело. № П-65245 Т. 19. Л. 131).

³ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 99. 2—3.

⁵ Вестник Наркомпроса ССРБ. 1922. Вып. 11—12. С. 43--46

нибудь причинам Вы окончательно переехать в Минск не смогли, то тогда желательно Вас видеть в Минске наездами»¹.

Все эти свидетельства находятся в явном противоречии с утверждениями бывшего первого ректора БГУ В.И.Пичеты, озвученными отнюдь не в самый сложный для него период жизни (имея в виду его арест осенью 1930 г.). Речь идет об уже упоминавшейся выше записке «К вопросу о южной границе БССР», составленной 16 ноября 1939 г. только что избранным членом-корреспондентом АН СССР В.И.Пичетой (в следующем, 1940 г. ему будет возвращено звание действительного члена АН БССР, которого составленную в 1917 г. ординарным академиком Е.Ф.Карским «Этнографическую карту белорусского племени», В.И.Пичета писал: «Отмечу, что Карский в свое время стремился преподавать во вновь открытом Советском белорусском университете, но еще до его поездки в Польшу², его кандидатура, по предложению ректора[т.е. Пичеты—М.Ш.], была отвергнута Правлением университета, хотя в 1921 г. последний был очень беден научными силами»³.

С другой стороны, В.И.Пичета свидетельствовал, что бывая в Петрограде по делам университета, в частности на краеведческой конференции в 1923 г., он посетил Е.Ф.Карского⁴, что не может не указывать на сохранившиеся между ними нормальные отношения.

Судьбы этих двух ученых—выдающегося филолога, академика Российской Академии наук с 1916 г. Е.Ф.Карского и не менее выдающегося историка-слависта, ставшего в 1946 г. академиком Академии наук СССР В.И.Пичеты во многом схожи: получив застуженное научное признание за пределами Беларуси, в последней они, на наш взгляд, до недавних пор оставались недооцененными. На это обстоятельство применительно к личности историка обратил внимание его немецкий коллега, отмечавший: “Калі ў Москве Пічэта вярнуў сабе

ранейшыя ўшанаванні ды павагу, дык у Мінску ён заставаўся спрэчнай фігурай. Яшчэ ў 1945 г. спасылкі на яго маглі выклікаць праблемы”⁵.

Показательна также реакция ЦК КПБ на инициативу Президиума АН БССР и Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР отметить в 1961 г. 100-летие со дня рождения академика Е.Ф.Карского не только проведением научной сессии Отделения общественных наук, но и присвоением имени ученого одной из улиц в Минске и Гродно, установлением именной стипендии для студентов и аспирантов филологов и др. Согласившись на проведение научной сессии, посвященной юбилею выдающегося ученого, академика АН СССР Е.Ф.Карского (заметим, что действительным членом Академии наук Беларуси (ныне Национальной Академии наук) Е.Ф.Карский так и не стал!), зав. Отделом науки, вузов и школ ЦК КПБ Н.Ф.Капич (в будущем директор Института истории партии при ЦК КПБ) писал в записке на имя секретаря ЦК В.Ф.Шаура: “Вместе с тем считаем нецелесообразным решать вопрос о присвоении имени Е.Ф.Карского учебному заведению, наименованию улиц в Минске и Гродно, а также устанавливать именные стипендии студентам и аспирантам-филологам. Именем Карского уже названы Гродненская областная библиотека и Лошанская семилетняя школа Гродненского р-на Гродненской обл.”⁶.

В настоящее время память о выдающемся филологе, основателе белорусоведения, первом академике—белорусе Е.Ф.Карскомувековечена на его Родине и не только в названиях областной библиотеки в Гродно и семилетней школы в д.Лаша, носящих с 1957 г. имя ученого. В ноябре 1990 г. Правительство Республики Беларусь учредило стипендию имени академика Е.Ф.Карского, в 2015 г. его именем названа одна из новых улиц в микрорайоне Сухарево столицы Беларуси. Неоднократно переиздавался его труд «Белорусы». Остается надеяться, что имя академика Е.Ф.Карского будет отмечено и в связи с грядущим 100-летним юбилеем главного университета республики—Белорусского государственного, к созданию которого ученый приложил немало сил.

¹ СПБФ АРАН. Ф. 292. Оп.2. Д. 99. Л. 4—5.

² Здесь В.И.Пичета имеет в виду научную командировку академика Е.Ф.Карского летом 1926 (не в 1925 г.) в Чехословакию, Польшу и Югославию, научный отчет ученого о которой вызвал носившую явно заказной характер кампанию против него в белорусской и общесоюзной прессе. Подр. об этом см.: Рублевская Л.И., Скала-Бан В.В. Околонаучный спор: Злополучная командировка академика Карского // В кн.: Рублевская Л.И., Скала-Бан В.В. Время и бремя архивов и имен: очерки, эссе, пьеса. Мин.: Літаратура і мастацтва, 2009. С. 43—48.

³ Пам'ят і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 321

⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Архив.-угол. дело № П-65245. Т. 19. Л. 167.

⁵ Лінднер Р. Гісторыкі і улада: Нацыялістэрчы працэ і гістарычна палітыка ў Беларусі ХІХ—XX ст. Мн.: Бібл-ка, часопіса “Беларускі гістарычны агляд”, 2003. С. 312.

⁶ НАРБ. Ф. 4. Оп. 73. Д. 193. Л. 163—164 и др.